

Кентервильское привидение

*Романтическая история,
где материальное тесно переплетается
с духовным*

Когда американский посол мистер Хайрэм Б. Отис покупал Кентервильский замок, все твердили ему, что он делает большую глупость, ведь было доподлинно известно, что в замке водится привидение. Даже лорд Кентервиль, человек скрупулезной честности, счел своим долгом предупредить об этом мистера Отиса, когда они обсуждали условия продажи.

— Мы сами, — сказал лорд Кентервиль, — предпочли не оставаться в этом замке после несчастья с моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтонской. Однажды, одеваясь к обеду, она вдруг почувствовала у себя на плечах чьи-то костлявые руки и настолько испугалась, что с ней сделался нервный припадок, от которого она так и не оправилась. Не могу утаить от вас, мистер Отис, что привидение являлось и многим ныне здравствующим членам моей семьи. Видел его и священник нашего прихода преподобный Огастас Дампьер — член Кингс-колледжа в Кембридже. После происшествия с герцогиней никто из новых слуг не пожелал у нас остаться, а леди Кентервиль почти не спала по ночам, обеспокоенная какими-то таинственными звуками, доносившимися из коридора и библиотеки.

— Милорд! — воскликнул посол. — Беру ваше привидение в придачу к обстановке. Я уроженец передовой страны. У нас есть все, что можно купить за деньги. Уж я-то знаю нашу расторопную молодежь: она способна перевернуть ваш Старый Свет вверх тормашками, лишь бы переманить у вас лучших актрис и примадонн.

Бьюсь об заклад, что, если б в Европе действительно была такая штука, как привидение, его давно уж выставили бы у нас в каком-нибудь музее или возили бы напоказ.

— Боюсь, что привидение все-таки существует, — улыбнулся лорд Кентервиль, — по-видимому, ему просто удалось устоять перед заманчивыми предложениями ваших импресарио. Оно обитает в замке уже три столетия, точнее с тысяча пятьсот восемьдесят четвертого года, и появляется каждый раз перед смертью кого-нибудь из членов нашей семьи.

— Если уж на то пошло, лорд Кентервиль, и у домашнего врача такая же привычка. Однако, сэр, привидений не бывает, и, мне кажется, природа вряд ли пойдет на уступки и согласится изменить свои законы даже в угоду английским аристократам.

— Конечно, вы, американцы, ближе к природе, — ответил лорд Кентервиль, который не вполне уяснил себе смысл последнего замечания мистера Отиса. — Ну что ж, если вы согласны иметь у себя в доме привидение, значит, все в порядке. Но не забывайте, что я вас предупреждал.

Через несколько недель после этого разговора все формальности были закончены, и к концу сезона посол и его семья отправились в Кентервильский замок. Миссис Отис — в прошлом прославленная нью-йоркская красавица мисс Лукреция Р. Теппен с 53-й Западной улицы — сохранила и поныне значительную долю своей красоты, живость взгляда и безупречный профиль. Многие американские дамы, покидая родину, напускают на себя страдальчески-болезненный вид, считая, что это приобщиит их к европейской утонченности, однако миссис Отис не совершила подобной ошибки. Она обладала блестящим здоровьем и поистине поразительными запасами жизнерадостности. В общем, во многих отношениях она была настоящей англичанкой и являла собой

прекрасный пример того, что теперь мы ничем не отличаемся от американцев, если, разумеется, не считать языка. Старшего сына Отисы в припадке патриотизма назвали Вашингтоном, о чем он не переставал скорбеть. Этот светловолосый молодой человек довольно приятной наружности, по-видимому, готовил себя к карьере дипломата, так как в течение трех сезонов дирижировал котильоном в ньюпортском казино и даже в Лондоне прослыл великолепным танцором. Он питал неумеренную приверженность к гардениям и к родословным пэров — это была его единственная слабость. Во всем остальном он отличался редким благоразумием. Пятнадцатилетняя мисс Вирджиния К. Отис была прелестной девочкой, грациозной как газель, с открытым и доверчивым взглядом больших голубых глаз. Она слыла истинной амазонкой и однажды, поскакав наперегонки с лордом Бильтоном, два раза объехала вокруг парка на своем пони и перед самой статуей Ахиллеса обошла старого лорда на целых полтора корпуса. Это привело в неописуемый восторг юного герцога Чеширского, и он немедленно сделал ей предложение, за что опекуны в тот же вечер отправили его обратно в Итон, невзирая на пролитые им потоки слез. После Вирджинии шли двое близнецов, которых обычно называли «звезды и полосы», намекая на их близкое знакомство с розгой. Это были премилые сорванцы и, если не считать почтенного посла, единственные настоящие республиканцы в семье.

Кентервильский замок находился в семи милях от ближайшей железнодорожной станции Аскот, поэтому мистер Отис телеграфировал, чтобы за ними прислали экипаж, и все семейство в прекрасном расположении духа пустилось в путь. Стоял чудесный июньский вечер, и в теплом воздухе слышался легкий запах сосны. Время от времени до Отисов доносилось сладкое воркование лесного голубя, самозабвенно наслаждавшегося собственным голосом, иногда в зарослях шуршащего папоротника мелькала блестящая грудка фазана.

Маленькие белки поглядывали с веток буков на проезжавший мимо них экипаж, а зайцы, мелькая белыми хвостиками, бросались наутек через мшистые кочки и кустарник. Но как только экипаж въехал в аллею, ведущую к Кентервильскому замку, небо заволокло тучами, в воздухе, казалось, застыла странная тишина, большая стая грачей бесшумно пронеслась над головами Отисов, и не успели они войти в дом, как на землю упали первые тяжелые капли дождя.

На крыльце их поджидала пожилая женщина в акkuratном черном шелковом платье, белоснежном переднике и чепце. Это была миссис Амни, экономка, за которой миссис Отис по настоятельной просьбе леди Кентервиль согласилась сохранить ее прежнее место. Когда Отисы вышли из экипажа, миссис Амни почтительно присела перед каждым из членов семьи и произнесла старомодное приветствие: «Милости просим в Кентервильский замок!» Следуя за ней, они миновали красивый старинный холл в стиле Тюдоров и прошли в библиотеку — длинную комнату, обшитую панелями из черного дуба, с низким потолком и огромным окном с цветными стеклами. Здесь был накрыт чай; скинув пледы, Отисы сели за стол и, пока миссис Амни прислуживала им, принялись осматривать комнату.

Вдруг миссис Отис заметила на полу, прямо перед камином, темно-красное пятно и, ничего не подозревая, обратилась к миссис Амни:

— Здесь, кажется, что-то пролито.

— Да, мадам, — тихо ответила старая экономка, — здесь пролита кровь.

— Фу, какая гадость! — воскликнула миссис Отис. — Меня совсем не устраивают кровавые пятна в комнатах. Велите его немедленно стереть!

Старая женщина улыбнулась и проговорила так же тихо и таинственно:

— Это кровь леди Элеоноры, которая погибла на этом самом месте в тысяча пятьсот семьдесят пятом

году от руки собственного мужа — сэра Саймона Кентервиля. Сэр Саймон пережил ее на девять лет и исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Тела его так и не нашли, а его грешная душа все еще бродит по замку. Это кровавое пятно вывести невозможно, к тому же оно всегда восхищает туристов и других посетителей.

— Ерунда, — воскликнул Вашингтон Отис, — идеальный пинкертоновский пятновыводитель и очиститель «Чемпион» уничтожит его в одну минуту!

И не успела пораженная экономка опомниться, как он опустился на колени перед камином и начал ожесточенно тереть пол маленькой черной палочкой, напоминавшей косметический карандаш. Через несколько мгновений от кровавого пятна и следа не осталось.

— Я знал, что очиститель не подведет! — победно воскликнул Вашингтон, обводя взглядом своих восхищенных родных. Но не успел он произнести эти слова, как мрачную комнату озарила ослепительная вспышка молнии, устрашающий удар грома заставил всех вскочить на ноги, а миссис Амни упала в обморок.

— Удивительно мерзкий климат, — спокойно заметил посол, зажигая длинную индийскую сигару. — Видно, старушка Англия так перенаселена, что хорошей погоды здесь на всех просто не хватает. Я всегда был того мнения, что эмиграция — единственное спасение для этой страны.

— Дорогой Хайрэм, — воскликнула миссис Отис, — что нам делать с экономкой, которая падает в обморок?!

— А ты удержи с нее, как за разбитую посуду, вот она и перестанет, — предложил посол.

И действительно, через несколько минут миссис Амни пришла в себя. Однако не было сомнения, что она глубоко потрясена, и, перед тем как уйти, она самым серьезным образом сказала мистеру Отису, что дому грозит беда.

— Я, сэ, — проговорила она, — собственными глазами видела такое, от чего у каждого христианина волосы встали бы дыбом. Много, много ночей не сомкнула я глаз из-за ужасов, которые здесь творились.

Мистер и миссис Отис горячо заверили честную служанку, что они не боятся привидений, и, призвав благословение Божье на своих новых хозяев, а также договорившись о прибавке к жалованью, старая экономка неверными шагами удалилась в свою комнату.

2

Всю ночь неистовствовала буря, но никаких особых происшествий не случилось. Однако, когда наутро Отисы спустились к завтраку, отвратительное кровавое пятно снова было на прежнем месте.

— Думаю, что очиститель «Чемпион» тут ни при чем, — сказал Вашингтон. — Ведь я пробовал его на самых разных пятнах. Видно, это дело рук привидения.

Он еще раз стер пятно, но на следующее утро оно появилось снова. Обнаружили его и на третье утро, хотя накануне вечером мистер Отис собственноручно запер библиотеку и унес ключи к себе наверх. Теперь уже вся семья была заинтригована; мистер Отис начал склоняться к мысли, что, отрицая существование привидений, он, пожалуй, подходил к вопросу слишком догматически; миссис Отис заявила о своем намерении вступить в Общество исследователей трансцендентальных явлений, а Вашингтон написал длинное письмо господам Майерсу и Подмору, в котором сообщал об устойчивости кровавых пятен, возникших в результате преступления. Наступившая затем ночь навсегда развеяла все сомнения в реальности призраков.

День выдался теплый и солнечный; вечером, когда стало прохладней, вся семья отправилась прокатиться. Домой они вернулись часов в девять, и им был подан

легкий ужин. Разговор за столом отнюдь не касался привидений, так что на этот раз не могло быть и речи о психологической подготовке, которая столь часто предшествует необъяснимым потусторонним явлениям. Как я впоследствии узнал от мистера Отиса, за столом обсуждались обычные темы, составляющие предмет разговора всякой культурной американской семьи из высших слоев общества. Говорили о неоспоримом превосходстве актрисы Фанни Давенпорт над Сарой Бернар; о том, что даже в лучших английских домах никогда не получишь настоящих гречневых оладий, маисовой каши и початков; о роли Бостона в формировании мировой культуры; о преимуществах отправки багажа по квитанциям при железнодорожных путешествиях и о благозвучии нью-йоркского произношения по сравнению с тягучей речью лондонцев. О сверхъестественном никто не заговаривал, никто и словом не помянул сэра Саймона Кентервиля. В одиннадцать часов все разошлись по своим комнатам, и к половине первого огни в доме погасли. Через некоторое время мистер Отис проснулся от какого-то странного шума, раздавшегося в коридоре, неподалеку от его комнаты. Казалось, будто лязгает железо и звуки эти с каждой минутой приближаются. Мистер Отис тотчас встал, чиркнул спичкой и взглянул на часы. Стрелки показывали ровно час ночи. Посол был совершенно спокоен и, пощупав пульс, убедился, что жара у него нет. Загадочный шум продолжался, и мистер Отис явственно различил звук шагов. Он надел ночные туфли, достал из несессера небольшой продолговатый флакон и открыл дверь. Прямо перед собой в слабом свете луны он увидел старика самого ужасного вида. Глаза его горели, словно пылающие угли, спутанные волосы свисали до плеч, одежда старинного покроя была покрыта грязью и превратилась в лохмотья, а руки и ноги были закованы в кандалы, соединенные тяжелыми ржавыми цепями.

— Уважаемый сэръ, — обратился к нему мистер Отис, — извините меня, но я вынужден просить вас смазать ваши цепи. Вот вам для этой цели флакон смазочного масла «Восходящее солнце Таммани». Говорят, его действие сказывается после первого же употребления. Вы убедитесь в этом, прочитав приведенные на обертке отзывы видных представителей нашего духовенства. Я оставляю его вот здесь, рядом с подсвечником. Если вам потребуется, буду рад ссудить вас новой порцией.

С этими словами американский посол поставил флакон на мраморный столик и, закрыв за собой дверь, отправился спать.

С минуту кентервильский призрак стоял неподвижно, оцепенев от вполне понятного возмущения; затем, в сердцах швырнув пузырек на пол, он с глухими стенаниями помчался по коридору, излучая жуткий зеленый свет. Но не успел он добраться до верхней площадки широкой дубовой лестницы, как распахнулась дверь одной из комнат, на пороге появились две маленькие, одетые в белое фигурки и мимо его головы просвистела большая подушка. Сообразив, что нельзя терять ни минуты, призрак поспешил воспользоваться для бегства четвертым измерением и исчез сквозь деревянную обшивку стены, после чего в доме снова воцарилась тишина.

Очутившись в маленькой потайной комнате в левом крыле замка, призрак прислонился к лунному лучу, чтобы перевести дух, собраться с мыслями и обдумать создавшееся положение. Никогда еще за все триста лет его блестящей карьеры ему не наносили столь грубого оскорбления. Он вспомнил, как напугал до нервного припадка вдовствующую герцогиню, внезапно представ перед ней, когда, вся в кружевах и бриллиантах, она стояла перед зеркалом; как довел до истерики четырех служанок тем, что, ослабившись, выглядывал из-за портьер в одной из запасных спален, как задул свечу у священника местного прихода, когда тот поздно вечером

шел из библиотеки, и несчастный, получив нервное расстройство, находился с тех пор на попечении сэра Уильяма Галла; на память ему пришла и старая мадам де Тремульяк, — проснувшись однажды на рассвете, она увидела, что в кресле у камина сидит скелет и с увлечением читает ее дневник. Потом она шесть недель пролежала с воспалением мозга, а когда поправилась, вернулась в лоно церкви и навсегда порвала всякие отношения с этим отъявленным вольнодумцем мсье Вольгером. Приятно было вспомнить и ту страшную ночь, когда беспутного лорда Кентервиля нашли умирающим от удущья с застрявшим в горле бубновым валетом и на смертном одре лорд признался, что на эту карту мошеннически выиграл в Крокфорде у Чарлза Джемса Фокса пятьдесят тысяч фунтов. При этом он клялся, что проглотить валета его заставил кентервильский дух. В памяти призрака всплывали все его блестящие успехи, все жертвы, начиная с дворецкого, который застрелился в буфетной, когда увидел, что в окно к нему стучит зеленая рука, и кончая прелестной леди Статфилд, — бедняжка вынуждена была всю жизнь носить на шее черную бархотку, чтобы скрыть следы пяти пальцев, отпечатавшихся на ее белоснежной шее, и в конце концов утопилась в пруду за Королевской аллеей, где разводили карпов. С эгоистическим наслаждением истинного художника перебирал он в памяти свои наиболее эффектные появления и с горькой усмешкой вспоминал то свой последний выход в роли Красного Рубена, или Душителя Младенцев, то дебют в качестве Верзилы Гибсона — Вампира с Бексийского болота. А какой фурор он произвел, когда в один прекрасный июньский вечер вышел на площадку для тенниса и всего-навсего сыграл в кегли собственными костями! И подумать только, что после таких подвигов являются какие-то пропитанные современным духом презренные американцы, начинают потчевать его смазочным маслом и швыряют в голову подушки. Смириться с этим было невозможно. А кроме

того, как известно из истории, ни с одним привидением не обходились подобным образом. Посему он решил мстить и до рассвета оставался погруженным в глубокое раздумье.

3

Когда на следующее утро семейство Отисов встретилось за завтраком, разговор некоторое время вертелся вокруг призрака. Естественно, посол был порядком уязвлен, что его подарок отвергли.

— Я вовсе не собираюсь оскорблять привидение, — заявил он, — и между прочим должен заметить, что, принимая во внимание длительный срок, проведенный им в этом доме, швырять в него подушками по меньшей мере невежливо. (Нужно с прискорбием признаться, что этот справедливый упрек близнецы встретили взрывами хохота.) Но, с другой стороны, — продолжал посол, — если привидение действительно не пожелает пользоваться смазочным маслом, придется отобрать у него цепи. Глаз не сомкнешь, когда возле самой спальни так грохочут.

Однако целую неделю их никто не беспокоил, и только неизменное появление кровавого пятна на полу в библиотеке возбуждало всеобщее внимание. Это действительно было очень странно, так как на ночь мистер Отис сам запирает двери, а окна закрываются ставнями. Много толков вызывала также склонность пятна менять окраску подобно хамелеону. То оно было темно-красным, почти коричневым, то цвета киновари, то принимало сочный пурпурный оттенок, а однажды, когда Отисы собрались в библиотеке, чтобы помолиться всей семьей согласно патриархальным обычаям приверженцев свободной американской реформированной епископальной церкви, они увидели, что пятно стало изумрудно-зеленым. Разумеется, такие калейдоскопические изменения

весьма забавляли всех членов семьи, и за ужином по этому поводу заключались веселые пари. Единственным человеком, не принимавшим участия в шутках, была маленькая Вирджиния. По каким-то необъяснимым причинам она при виде пятна всегда расстраивалась, а в то утро, когда оно стало изумрудно-зеленым, даже чуть не заплакала.

Вторично призрак явился Отисам в ночь на понедельник. Едва они улеглись спать, как их поднял на ноги страшный грохот в холле. Сбежав по лестнице, они обнаружили, что тяжелые рыцарские доспехи, стоявшие у стены, обрушились на каменный пол, а в кресле с высокой спинкой сидит кентервильское привидение и, страдальчески морщась, растирает колени. Близнецы, захватившие с собой игрушечные ружья, тут же дали по нему залп сушеным горохом с меткостью, которой можно достичь лишь путем долгих и старательных упражнений над учителем чистописания. Американский посол, со своей стороны, навел на привидение револьвер и, согласно калифорнийскому этикету, скомандовал: «Руки вверх!» Взвыв от ярости, призрак сорвался с кресла, промчался сквозь Отисов, словно туман, и, задув по пути свечу Вашингтона, оставил их в полной темноте. Достигнув верхней площадки лестницы, он остановился передохнуть и решил пустить в ход свой излюбленный прием — разразиться сатанинским смехом. Этот номер всегда ему удавался. Говорили, что от этого смеха за одну ночь поседел парик лорда Рэйкера, а три французские гувернантки, служившие у леди Кентервиль, услышав его, одна за другой взяли расчет, не проработав и месяца. Вспомнив об этом, призрак закатился таким леденящим душу хохотом, что под старыми сводами все задрожало и загудело, но не успело ужасное эхо замолкнуть, как рядом отворилась дверь и на площадку вышла миссис Отис в голубом капоте.

— Вам, кажется, нездоровится, — сказала она. — Вот настойка доктора Добелла, советую попробовать. Это прекрасное средство от несварения желудка.

Призрак свирепо уставился на нее и тут же принял необходимые меры, чтобы обернуться большим черным псом, — этот мастерской трюк снискал ему когда-то заслуженную славу и, по мнению домашнего врача, послужил причиной хронического слабоумия дядюшки лорда Кентервиля, почтенного сэра Томаса Хортон. Но тут послышались шаги, и призраку не удалось осуществить свой коварный замысел. Он ограничился тем, что начал слабо фосфоресцировать, и, когда близнецы подбежали к нему, растаял в воздухе с протяжным замогильным стоном.

Вернувшись в свою комнату, призрак почувствовал себя совершенно разбитым и дал волю обуревавшему его негодованию. Вульгарность близнецов и грубый материализм миссис Отис были, конечно, возмутительны, но самым досадным показалось ему то, что он не мог больше носить доспехи. А ведь он надеялся, что даже современные американцы, увидев его в роли призрака в латах, затрепещут, если не от страха, то хотя бы из уважения к своему национальному поэту Лонгфелло, за стихами которого, полными прелести и изящества, он и сам не раз коротал время, когда семейство Кентервилей уезжало в Лондон. Кроме того, это были его собственные доспехи. В них он очень удачно выступил на Кенилвортском турнире и удостоился высокой похвалы самой королевы-девственницы. А теперь, когда он попытался снова надеть их, тяжесть нагрудной брони и стального шлема оказалась для него непосильной, он с грохотом рухнул на каменный пол, жестоко ободрал колени и расшиб костяшки пальцев правой руки.

После этого случая он совсем расхворался и несколько дней просидел в своей комнате, выбираясь из нее,

только чтобы поддерживать в надлежащем виде кровавое пятно в библиотеке. Однако благодаря строгому соблюдению режима он наконец поправился и решил предпринять третью попытку нагнать страх на посла и его семейство. Для этой цели он назначил пятницу семнадцатого августа и, посвятив весь день изучению своего гардероба, выбрал в конце концов широкополую шляпу с красным пером, саван с оборочками у ворота и на запястьях и ржавый кинжал. К вечеру разыгралось ненастье, полил дождь и поднялся такой ветер, что все окна и двери старого дома скрипели и дребезжали. Такая погодка была как раз по душе призрак. Он наметил следующий план действий: сначала он осторожно проберется в комнату Вашингтона Отиса и, стоя в ногах постели, тихо пробормочет ему нечто невнятное, а потом под звуки торжественной музыки трижды вонзит себе в горло кинжал. На Вашингтона он затаил особую обиду, ибо знал, что этот молодой Отис имел дурную привычку уничтожать с помощью пятновыводителя Пинкертон знаменитое кровавое пятно в кентервильской библиотеке. Заставив наглого и безрассудного юнца самым постыдным образом дрожать от страха, он проследует в спальню посла и, возложив холодную липкую руку на лоб миссис Отис, примется нашептывать на ухо ее перепуганному супругу ужасные тайны склепа. Что касается маленькой Вирджинии, то тут призрак еще не решил окончательно, как ему поступить. Она ни разу ничем не обидела его, а к тому же была миловидной и доброй. Пожалуй, сказал он себе, хватит с нее пары глухих стонов из глубины платяного шкафа, ну а если она не проснется, он уцепится скрюченными пальцами за ее одеяло и начнет судорожно дергать его. Близнецов же призрак решил проучить как следует. Прежде всего он, конечно, сядет к ним на грудь, пусть задыхаются, мучаясь в кошмарах. Потом, пользуясь тем, что их кровати стоят рядом, недурно будет застыть между ними, приняв

вид зеленого, окоченевшего мертвеца, и стоять так, пока они не оцепенеют от ужаса, а тогда можно сбросить саван и начать ползать по комнате, блестя костями и вращая одним глазом, как того требует роль Немого Даниела, или Скелета Самоубийцы. В этой роли он уже не раз имел огромный успех и считал ее не менее выигрышной, чем свой коронный номер — Мартин-маньяк, или Замаскированная Загадка.

В половине одиннадцатого он услышал, что семейство Отисов отправилось спать. Некоторое время он с раздражением прислушивался к диким взрывам смеха и визгу, долетавшим из комнаты близнецов, которые с беззаботностью школьников резвились перед тем, как лечь спать. Но вот в четверть двенадцатого все стихло, и, как только часы проббили полночь, призрак двинулся в путь. В оконные стекла била крыльями сова, на верхушке старого тиса закаркал ворон, ветер, рыдая, словно осужденная душа, блуждал по дому, а Отисы безмятежно спали, не подозревая об уготованной им участи, и ровный храп американского посла, заглушая вой ветра и шум дождя, разносился по всему замку. Искривив старческий рот в злорадной, жестокой усмешке, призрак, крадучись, вышел из-за обшивки стены, и луна спрятала свой лик в тучах, когда он тихонько пробирался мимо окна-фонаря, где золотом и лазурью сверкал его собственный герб и герб убитой им жены. Словно зловещая тень, скользил он все дальше и дальше, и, казалось, сама темнота с отвращением сторонится его. Один раз ему почудилось, что его кто-то окликнул, он остановился, но оказалось, что это залаяла собака на соседней ферме, и он побрел дальше, бормоча витиеватые проклятия шестнадцатого века и время от времени пронзая воздух ржавым кинжалом. Наконец он добрался до угла коридора, ведущего в спальню несчастного Вашингтона. Здесь он с минуту помедлил, и ветер взметнул его длинные седые космы и заиграл саваном, собирая зловещий наряд в причудливые, фантастические складки. Но вот

пробило четверть первого, и призрак понял, что час настал. Тихонько хихикая, он завернул за угол, но в ту же секунду с испуганным, жалобным воплем отпрянул назад, закрыв побелевшее лицо длинными костлявыми руками. Прямо перед ним возвышалось чудовищное привидение, неподвижное, как статуя, и невероятное, как плод фантазии сумасшедшего. Его лысая голова блестела, черты одутловатого, круглого и бледного лица искажала гнусная, будто навеки застывшая усмешка. Глаза пылали багровым огнем, рот изрыгал пламя, а под белоснежным покровом его одеяния, как две капли воды похожего на саван самого кентервильского призрака, угадывался богатырский торс. На груди этого нового привидения висела дощечка, испещренная какими-то незнакомыми древними письменами. Вероятно, то был реестр его позорных деяний, список кошмарных пороков, жуткий перечень преступлений. В правой руке, высоко поднятой над головой, привидение сжимало кривую блестящую саблю.

До сих пор кентервильскому призраку не приходилось встречать себе подобных, и потому немудрено, что он струсил не на шутку. Метнув еще один взгляд на устрашающую фигуру, он опрометью бросился в свою комнату, путаясь в складках длинного савана. На бегу он обронил кинжал, который угодил в сапог посла и наутро был извлечен оттуда дворецким. Оказавшись наконец у себя в комнате наедине с самим собой, призрак упал на узкий соломенный тюфяк и спрятался с головой под одеяло. Однако спустя некоторое время к нему вернулось мужество, всегда отличавшее Кентервилей, и он решил, что, как только начнет светать, он отправится на переговоры со своим собратом. И когда первые лучи зари посеребрили верхушки окрестных холмов, он устремился к тому месту, где встретился с отвратительным привидением. В конце концов он пришел к мысли, что два призрака даже лучше, чем один,

и что, заручившись помощью и поддержкой нового друга, он легко разделается с близнецами. Однако когда он подошел поближе, взору его представилось страшное зрелище. По-видимому, с новым призраком что-то случилось: в глазах его погас огонь, сверкающая сабля выпала из рук, а сам он в неловкой и напряженной позе привалился к стене. Кентервильский призрак кинулся к нему, дотронулся до него рукой, и тут — о ужас! — голова привидения отделилась от туловища и покатилась по полу, тело поникло, и кентервильский призрак обнаружил, что сжимает в руках кисейную занавеску, а у ног его валяются швабра, кухонный нож и выдолбленная тыква! Не в силах постичь это странное превращение, он с лихорадочной поспешностью схватил дощечку и при слабом утреннем свете прочитал следующие уничтожающие слова:

ПРИЗРАК ОТИСОВ!
ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОДЛИННЫЙ И НАСТОЯЩИЙ!
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДЕЛОК!
ВСЕ ПРОЧИЕ — ФАЛЬСИФИКАЦИЯ!

В один миг он понял все. Его обманули, перехитрили и одурачили. В глазах призрака появился блеск, свойственный всем доблестным Кентервилям. Он стиснул беззубые челюсти и, воздев к небу иссохшие руки, поклялся в затейливой манере старой школы, что, как только дважды прозвучит трубный глас веселого шантеклера, бесшумною стопою пройдет по замку смерть и хлынет кровь рекой.

Не успел он произнести эту страшную клятву, как на черепичной крыше соседней фермы закричал петух. Призрак залился тихим злобным смехом и стал ждать. Он ждал час, другой, но по какой-то неизвестной причине петух не торопился кричать еще раз. Наконец в половине восьмого явились служанки, и призраку пришлось прекратить свое зловещее бдение. Размышляя о тщете надежд и о крушении гордых замыслов, он про-

крался к себе. В своей комнате призрак просмотрел несколько старинных книг о рыцарских обычаях, которыми страстно увлекался, и пришел к выводу, что никогда еще не случилось, чтобы после такого заклятия шантеклер не пропел дважды.

— Погибель возьми эту негодную птицу, — пробормотал он, — а было время, когда добрым моим копьем я бы проткнул ей глотку и заставил ее кричать хотя бы в предсмертной муке!

С этими словами он улегся в уютный свинцовый гроб и пролежал в нем до вечера.

4

Весь следующий день призрак чувствовал себя очень слабым и усталым. Сказывалось непосильное возбуждение последних четырех недель. Нервы у него совершенно расшатались, и он вздрагивал при малейшем шорохе. Пять дней он не выходил из комнаты, решив в конце концов поступиться кровавым пятном на полу в библиотеке. Если Отисам оно не нужно, что ж, значит, они его не заслуживают. По-видимому, это люди грубого материального склада, неспособные постичь высокую символику доступных чувствам явлений. Иначе обстояло дело с призрачными видениями и законами существования астральных тел — эти вопросы от него не зависели. Поэтому он вынужден был аккуратно исполнять свои обязанности и раз в неделю обходить коридоры, а в первую и третью среду каждого месяца издавать невнятное бормотание, спрятавшись в огромном окне-фонаре, и он не представлял себе, как ему удастся, не запятнав чести, уклониться от выполнения своего долга. Конечно, жизнь его была далеко не безгрешной, но ко всему сверхъестественному он относился крайне добросовестно. Итак, в три следующие субботы он, как обычно, проходил дозором по замку, с полуночи до трех часов, изо всех сил стараясь, чтобы его никто не увидел

и не услышал. Для этого он закутывался в черный бархатный плащ, снимал башмаки и, затаив дыхание, осторожно ступал по старым, изъеденным половицам. Вдобавок ко всему он неукооснительно смазывал цепи маслом «Восходящее солнце». Нужно сказать, что на эту крайность он согласился лишь после долгой внутренней борьбы. Но все-таки однажды, когда семейство Отисов обедало, он проскользнул в спальню посла и похитил флакон с маслом. Сначала, пользуясь им, он чувствовал себя несколько униженным, однако у него хватило здравого смысла признать, что это изобретение заслуживает всяческих похвал и в известной степени оказывает ему помощь. Тем не менее, несмотря на все эти ухищрения, его преследователи не давали ему покоя. Поперек коридора постоянно натягивались веревки, и он не раз падал, спотыкаясь о них в темноте. А однажды, прохаживаясь по замку в костюме Черного Исаака, или Охотника из Хоглейских лесов, он сильно расшибся, растянувшись на полу, который близнецы намазали маслом, отчего коридор от входа в гобеленную до дубовой лестницы превратился в настоящий каток. Это оскорбление привело его в такое бешенство, что он дал клятву предпринять последнюю попытку восстановить свое поправное достоинство и пошатнувшееся положение в обществе. Он решил на следующую же ночь выступить перед наглыми юными итонцами в своей на шумевшей роли Неистовый Руперт, или Граф без Головы. В этом обличье он не появлялся уже лет семьдесят, точнее говоря, с тех пор как, представ в таком виде перед хорошенькой леди Барбарой Модис, до того напугал ее, что она тут же отказалась от помолвки с дедушкой нынешнего лорда Кентервиля и сбежала в Гретна-Грин с красавцем Джеком Каслтоном. При этом она заявила, что никакие блага в мире не заставят ее породниться с семьей, которая позволяет такому противному привидению разгуливать в сумерках по террасе. Несколько лет спустя у бедняги

Джека была дуэль на Вондсвортском выгоне с лордом Кентервилем, где последний застрелил своего соперника, а леди Барбара, сердце которой было разбито, в том же году умерла в Танбридж-Уэллсе. Словом, выход призрака в этой роли несомненно удался. Однако этот образ требовал очень сложного грима (если только такой театральный термин уместен в связи со столь загадочным, сверхъестественным явлением, или, выражаясь научно, с одной из величайших тайн сверхчувственного мира), и привидению потребовалось целых три часа, чтобы привести себя в надлежащий вид. Наконец все было готово, и он остался очень доволен своей внешностью. Правда, высокие кожаные ботфорты — неотъемлемая принадлежность выбранного им костюма — оказались великоваты, к тому же куда-то запропастился один из седельных пистолетов, но в общем призрак был вполне удовлетворен своим нарядом и в четверть второго выскользнул из-за обшивки и крадучись заспешил по коридору. Добравшись до комнаты близнецов, которая, кстати сказать, из-за цвета драпировок называлась Голубой спальней, он обнаружил, что дверь в нее приоткрыта. Стараясь обставить свое появление как можно более эффектно, он рывком распахнул дверь, и в ту же секунду на него опрокинулся тяжелый кувшин с водой, вымочив его до нитки и пролетев в двух дюймах от его левого плеча. Из-под балдахина старинной кровати тотчас донесся сдержанный визг восторга. Нервы призрака не выдержали столь жестокого испытания, и он со всех ног помчался в свою комнату, а весь следующий день мучился сильнейшей простудой. Во всей этой истории утешительным было только то, что на этот раз он не захватил с собой голову, так как в противном случае последствия могли бы оказаться весьма плачевными.

Отныне он распрощался со всякой надеждой устрашить эту грубую американскую семью и, как правило, ограничивался тем, что тихонько пробирался по переходам замка в шлепанцах, обвязав горло от сквозняков

толстым красным шарфом и прихватив с собой небольшую аркебузу на случай встречи с близнецами. Решающий удар был нанесен ему девятнадцатого сентября. Он спустился в просторный холл, уверенный, что уж там-то его никто не тронет, и развлекался тем, что отпускал ядовитые замечания по поводу сделанных у Сарони больших фотографий посла США и его жены, которые висели теперь на месте фамильных портретов Кентервилей. Призрак был в простом, но изящном саване с пятнышками могильной плесени, челюсть он подвязал пожелтевшей полотняной косынкой, а в руках держал заступ могильщика и маленький фонарь. Короче говоря, он изображал одного из своих любимых героев — Неприкаянного Джонаса из Чертсийского Амбара, или Похитителя Трупов. Кентервили имели все основания запомнить это превращение, потому что оно явилось причиной их ссоры с живущим по соседству лордом Рафффордом. Был третий час ночи, и, насколько призрак мог судить, все в замке спали глубоким сном. Однако, когда он направился в библиотеку, чтобы проверить, сохранились ли еще следы кровавого пятна, из темноты на него вдруг набросились две фигуры и, неистово размахивая руками, закричали «бу-у-у» в самое его ухо.

Неудивительно, что его охватил дикий страх и он в панике кинулся к лестнице, но там его уже ждал Вашингтон Отис с длинным садовым шлангом. Теснимый с двух сторон своими противниками, призрак бросился в большую железную печь, которая, к счастью, не была затоплена, и вынужден был плутать по трубам и дымоходам, пока не добрался до своей комнаты весь в саже, синяках и в состоянии совершенного смятения.

После этого он уже не совершал ночных вылазок. Напрасно близнецы несколько ночей подряд подстерегали его и посыпали пол в коридоре ореховой скорлупой, к великому негодованию родителей и прислуги. Было совершенно очевидно, что призрак оскорблен в своих

лучших чувствах и больше не покажется. Поэтому мистер Отис снова засел за историю демократической партии, которую писал уже несколько лет; миссис Отис устроила замечательный пикник на американский лад, приведший в изумление все графство; мальчишки вернулись к джокеру, покеру, травяному хоккею и другим национальным играм, а Вирджиния разъезжала по проселочным дорогам верхом на пони в сопровождении юного герцога Чеширского, который приехал в Кентервильский замок на последнюю неделю своих каникул. Все единодушно решили, что призрак покинул замок, и мистер Отис даже сообщил об этом лорду Кентервилю, который в ответном письме выразил свою радость по поводу столь приятного известия и просил передать поздравления почтенной супруге посла.

Однако Отисы ошибались — призрак все еще находился в замке и, хотя здоровье его было окончательно подорвано, вовсе не собирался оставлять их в покое, особенно после того как узнал, что в замке гостит молодой герцог Чеширский. Двоюродный дед герцога — лорд Френсис Стилтон — когда-то имел дерзость побиться об заклад с полковником Карбюри на сто гиней, что сыграет в кости с кентервильским привидением. На следующее утро его нашли на полу гостиной в самом жалком состоянии, и, хотя он дожил после этого до глубокой старости, он совершенно лишился дара речи и мог произнести только два слова — «дубль шесть». В свое время эта история очень нашумела, хотя и делались всевозможные попытки замять ее из почтения к чувствам обоих уважаемых семейств. Подробное описание всего происшедшего можно найти только в третьем томе «Воспоминаний о принце-регенте и его друзьях» лорда Татла. В связи с этой историей призраку, конечно, не терпелось доказать, что он не утратил власти над Стилтонами, с которыми даже находился в отдаленном родстве, так как его кузина состояла во втором браке с сэром де Балкли, а от него-то, как известно, и ведут свой род герцоги

Чеширские. Итак, он стал готовиться к тому, чтобы предстать перед юным поклонником Вирджинии в образе Монаха-вампира, или Бескровного Бенедиктинца.

Этот его прославленный выход неминуемо приводил всех в трепет. Стоило призраку показаться в таком виде леди Стертеп в роковой для нее канун нового, 1764 года, как она принялась издавать пронзительные вопли, а потом упала, сраженная внезапным апоплексическим ударом, и через три дня скончалась, успев лишить наследства Кентервилей, которые приходились ей ближайшими родственниками, и завещав все состояние своему лондонскому аптекарю. Однако в последний момент панический страх перед близнецами одержал верх, и призрак не решился покинуть свою комнату, а потому юный герцог Чеширский мог безмятежно спать в королевской опочивальне под большим балдахином, украшенным перьями, и видеть во сне Вирджинию.

5

Несколько дней спустя Вирджиния со своим кудрявым кавалером отправилась верхом в Броклийские луга и, пробираясь сквозь живую изгородь, так сильно порвала амазонку, что ей пришлось вернуться домой. Не желая, чтобы кто-нибудь ее видел, она поднялась по черной лестнице и, пробегая мимо гобеленной, дверь в которую оказалась открытой, заметила, что в ней кто-то есть. Подумав, что это одна из горничных ее матери, приходившая сюда иной раз с работой, она решила попросить ее починить платье и вошла в комнату. Каково же было изумление Вирджинии, когда глазам ее представился сам кентервильский призрак! Он сидел пригорюнившись у окна, наблюдая, как разлетается по ветру золото осеннего убора деревьев и красные листья в неистовой пляске кружатся по длинным аллеям парка. Призрак склонил голову на руки, и вся его поза выра-

жала крайнее уныние. Он казался такой несчастной старой развалиной, что маленькая Вирджиния, первым побуждением которой было убежать и запереться в своей комнате, прониклась к нему состраданием и решила его утешить. Шаги ее были настолько легки, а его задумчивость так глубока, что он не заметил ее приближения, пока она с ним не заговорила.

— Мне очень жаль вас, — сказала она, — но завтра мои братья возвращаются в Итон, и тогда, если вы будете вести себя как следует, вас никто не станет беспокоить.

— Смешно требовать, чтобы я вел себя как следует, — ответил призрак, с удивлением глядя на хорошенькую девочку, осмелившуюся обратиться к нему. — Просто смешно. Если вы имеете в виду громыхание цепями, стоны в замочные скважины и ночные прогулки, так ведь это входит в мои обязанности. В этом единственный смысл моего существования.

— Никакого смысла в этом нет. Вы прекрасно знаете, что были очень дурным человеком. Миссис Амни рассказала нам, когда мы сюда приехали, что вы убили свою жену.

— Ну что ж, я этого и не отрицаю, — сварливо возразил призрак. — Но это дело чисто семейное и никого не касается.

— Все равно, убивать людей очень нехорошо, — заявила Вирджиния, на которую временами находила милая пуританская суровость, унаследованная от какого-то предка из Новой Англии.

— О, мне ненавистна эта абстрактная этика и дешевое морализирование! Моя жена была очень некрасивой женщиной, она не могла распорядиться, чтобы мне как следует накрахмалили брыжи, и ничего не понимала в кухне. Как-то раз я подстрелил оленя в Хоглейском лесу, прекрасного однолетка, и посмотрели бы вы, в каком виде его подали на стол! Впрочем, теперь уже

все равно, это дело прошлое, но, хоть я и убил жену, братцы ее тоже не слишком-то красиво поступили, уморив меня голодом!

— Вас уморили голодом? О, мистер Призрак, то есть, простите, сэр Саймон, вы голодны? У меня в сумке сэндвич. Хотите?

— Нет, благодарю вас. Теперь я больше не нуждаюсь в еде, но тем не менее я вам очень признателен, и вообще вы гораздо приятнее ваших грубых, вульгарных и бессовестных родичей.

— Замолчите! — вскричала Вирджиния, топнув ногой. — Сами вы грубый, отвратительный и вульгарный, а что касается совести, то не вы ли таскали краски из моей коробки, чтобы подновлять это дурацкое кровавое пятно в библиотеке? Сначала вы украли все красные, даже киноварь, и я не могла больше рисовать закаты, потом забрали изумрудную зелень и желтый хром, и в конце концов у меня ничего не осталось, кроме индиго да китайских белил, и мне пришлось рисовать только лунные пейзажи, а они такие трудные, и на них так грустно смотреть! Но я ни разу не пожаловалась, хотя мне было ужасно досадно, да и вообще все это просто смешно, ну скажите: разве бывает зеленая кровь?

— Да, это верно, — кротко согласился с ней призрак. — Но что мне оставалось делать? Где теперь достанешь настоящую кровь? А поскольку историю с пятновыводителем затеял ваш братец, я считал себя вправе воспользоваться вашими красками. Что же касается цвета, то это дело вкуса: у Кентервилей, например, кровь голубая — самая голубая в Англии; но я знаю, вам, американцам, такие вещи безразличны.

— Ничего вы не знаете, и самое лучшее для вас — эмигрировать и поучиться уму-разуму. Мой отец будет очень рад предоставить вам бесплатный проезд, и, хотя на всевозможные духи — и на духов, верно, тоже — введены высокие пошлины, к вам в таможне вряд ли

придерутся: там все чиновники демократы. А в Нью-Йорке вы, конечно, будете иметь огромный успех. Я знаю множество людей, готовых заплатить сто тысяч долларов за дедушку, а за фамильное привидение они заплатят еще больше.

— Не думаю, чтобы мне понравилась Америка.

— Еще бы! Ведь у нас нет ни развалин, ни достопримечательностей, — заметила Вирджиния язвительно.

— Ни развалин, ни достопримечательностей! — воскликнул призрак. — А ваш флот? А ваши манеры?

— Всего хорошего! Пойду попрошу папу продлить близнецам каникулы еще на неделю.

— Нет, не уходите, мисс Вирджиния, — взмолился призрак. — Прошу вас! Я так одинок и так несчастен, просто не знаю, что мне делать. Мне так хотелось бы заснуть, но я не могу.

— Ну это глупости. Стоит только лечь в постель и задуть свечу. Вот удержаться от сна бывает очень трудно, особенно в церкви, но уж заснуть-то совсем легко. Даже грудные дети и те умеют спать, а они ведь не слишком умные.

— Я не сплю триста лет, — печально сказал призрак, и прелестные голубые глаза Вирджинии расширились от удивления. — Целых триста лет. Я очень устал.

Вирджиния сделалась серьезной, и ее нежные губы задрожали, как лепестки розы. Она подошла к призраку и, опустившись перед ним на колени, заглянула в его старое, изборожденное морщинами лицо.

— Бедный, бедный Призрак! — прошептала она. — Неужели вам негде спать?

— Далеко-далеко, за сосновыми лесами, — заговорил он тихо и мечтательно, — есть маленький сад. Там растет густая высокая трава, и в ней, как большие белые звезды, цветет дурман, и по ночам там поет соловей. Он поет всю ночь напролет, а сверху смотрит холодная, чистая луна, и огромные тисы простирают над спящими свои гигантские ветви.

Слезы заволокли глаза Вирджинии, и она закрыла лицо руками.

— Вы говорите про Сад Смерти? — прошептала она.

— Да, про Сад Смерти. Смерть, должно быть, прекрасна. Как хорошо, наверно, лежать в мягкой темной земле, чувствовать, как над головой у тебя колыхнется трава, и прислушиваться к тишине. Не знать ни вчера, ни завтра. Забыть о времени, простить жизни ее зло и обрести полный покой. Вы можете помочь мне. Вы можете открыть мне врата в Обитель Смерти, потому что Любовь неразлучна с вами, а Любовь сильнее, чем Смерть.

Вирджиния вздрогнула, холод пробежал у нее по спине, и на несколько минут в комнате воцарилось молчание. Ей казалось, что она видит страшный сон.

Но вот призрак снова заговорил, и голос его походил на тихие вздохи ветра.

— Вы когда-нибудь читали старинное пророчество, начертанное на окне библиотеки?

— Читала, и не раз! — воскликнула девочка, подняв глаза. — Я помню его наизусть. Оно написано черными буквами, такими странными, что их даже трудно разобрать. Там всего шесть строчек:

Если та, что так чиста,
Освятит греха уста,
Если с детскою слезой
Расцветет миндаль сухой,
Знай, конец бесовской силе,
Мир наступит в Кентервиле¹.

Только я не понимаю, что это значит.

— Это значит, — печально ответил призрак, — что вам придется оплакивать за меня мои грехи, ведь у меня

---

¹ Пер. И. Комаровой.

нет слез, и молиться за спасение моей души, ибо сама ни во что не верю, и тогда, если вы все время были ласковой, доброй и сострадательной, Ангел Смерти сжадется надо мной. В темноте вы увидите огромных страшных чудовищ, злые голоса будут шептать вам на ухо, но они не сделают вам ничего дурного, потому что духи ада бессильны перед чистотой ребенка.

Вирджиния молчала, и, взглянув на ее склоненную золотую головку, призрак в отчаянии заломил руки. Вдруг она поднялась, лицо ее было бледно, а в глазах блестела решимость.

— Я не боюсь, — твердо сказала она. — Я попрошу Ангела Смерти сжадиться над вами.

Тихо вскрикнув от радости, призрак вскочил с кресла и со старомодной грацией склонился над ее рукой. Пальцы его были холодны как лед, а губы обжигали, словно огонь, но Вирджиния, не дрогнув, пошла за ним по комнате, погруженной в полумрак. На поблекших зеленых гобеленах были вытканы маленькие охотники. Они затрубили в свои украшенные кисточками рожки и замахали ей крохотными ручками.

— Вернись, маленькая Вирджиния, — просили они. — Вернись! Вернись!

Но призрак еще крепче сжал ее руку, и она зажмурилась, чтобы не видеть их. Высеченные на камине уродливые зверьки с хвостами, как у ящериц, и с выпученными глазами подмигивали ей вслед.

— Берегись, маленькая Вирджиния, — шептали они. — Берегись! Может быть, мы никогда больше не увидимся!

Но призрак скользил все быстрее и быстрее, и она не стала их слушать. Дойдя до конца комнаты, призрак остановился и забормотал какие-то непонятные для нее слова. Вирджиния открыла глаза и увидела, что стена понемногу исчезает, словно туман, а за ней открывается черная мрачная пещера. В лицо им ударил

холодный злой ветер, и Вирджиния почувствовала, что кто-то тянет ее за платье.

— Скорей, скорей! — закричал призрак. — Скорей, не то будет поздно!

И в ту же минуту обшивка стены сомкнулась за ними и гобеленная опустела.

6

Минут через десять раздался гонг к чаю, и, так как Вирджиния не спустилась в столовую, миссис Отис послала за ней лакея. Вскоре он вернулся и сообщил, что мисс Вирджинии нигде нет. Зная, что по вечерам девочка всегда выходит в сад, чтобы нарезать цветов для обеденного стола, миссис Отис поначалу не встревожилась. Однако, когда часы пробили шесть, а Вирджинии все не было, она не на шутку забеспокоилась и послала мальчиков поискать ее в саду. Сама же она вместе с мистером Отисом обошла все комнаты в доме. В половине седьмого мальчики вернулись и объявили, что никаких следов Вирджинии найти не удалось. Теперь уже все были в сильной тревоге и не знали, что делать. Вдруг мистер Отис вспомнил, что несколько дней назад разрешил цыганскому табору расположиться в парке. Не теряя времени, он отправился в Блекфелскую долину, где остановились цыгане, захватив с собой старшего сына и двух работников с фермы. Юный герцог Чеширский, совсем обезумевший от беспокойства, настоятельно просил, чтобы взяли и его, но мистер Отис, боясь, что дело не обойдется без драки, не согласился. Однако, когда они прибыли на место, оказалось, что цыган уже нет, и отъезд их, видимо, носил весьма поспешный характер, так как в костре еще тлели угли, а на траве валялось несколько мисок. Мистер Отис поручил Вашингтону и работникам обследовать окрестности, вернулся домой и разослал телеграммы всем полицейским инспекторам графства с просьбой найти девочку,

СОДЕРЖАНИЕ

КЕНТЕРВИЛЬСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ Романтическая история, где материальное тесно переплетается с духовным <i>Перевод И. Разумовской и С. Самостреловой</i>	5
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЛОРДА АРТУРА СЭВИЛА Размышление о чувстве долга. <i>Перевод Д. Аграчева</i>	43
ВЕЕР ЛЕДИ УИНДЕРМИР. Пьеса о хорошей женщине. Комедия в четырех действиях <i>Перевод М. Лорие</i>	83
ЖЕНЩИНА, НЕ СТОЯЩАЯ ВНИМАНИЯ Комедия в четырех действиях <i>Перевод Н. Дарузес</i>	157
ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖ. Комедия в четырех действиях <i>Перевод О. Холмской</i>	239